

1915—1921

Судьба тесно связала меня с С-Петербургским Политехническим Институтом в один из самых трудных периодов его жизни, а именно в те годы, когда ему приходилось бороться за сохранение, хотя бы в ущербленном виде, своих достижений за годы расцвета.

Впрочем, некоторую связь с Институтом я имел и раньше. Осенью 1904 г. я поступил на экономическое отделение Института, но, ввиду приостановки занятий, весной 1905 г. уехал учиться в Германию. Осенью 1915 г. я был избран преподавателем того же отделения по курсу уголовного права, а осенью следующего года — доцентом, с поручением также курса общей теории права. Давая мне это поручение, декан, проф. Гусаков, выразил желание, чтобы курс читался на социологической основе. Это было лестное и ответственное поручение, так как в то время подобные курсы почти нигде в мире не читались. Мне удалось прочитать его пять раз и составить подробные записки, которые я собирался переработать в книгу. Увы, при бегстве из России (о чем ниже) пришлось их оставить. В Берлине я восстановил их по памяти и в сокращенном виде напечатал в Трудах Русских Ученых Заграницей. Много позже, именно на основе этой публикации, я был приглашен Гарвардским Университетом для чтения курса социологии права, который в 1939 г. мне удалось напечатать одновременно по-английски и по-французски. Таким образом, работа в Политехническом Институте послужила основой моей академической карьеры в Соединенных Штатах.

Но на первых порах, проживая в городе, далеко от Института, я мало входил в жизнь последнего. Все переменялось когда, в феврале 1918 г., коллеги предложили мне временно занять квартиру А. А. Чупрова, который, как к тому времени выяснилось, не собирался вернуться в Россию под большевиков, а пустовавшую квартиру большевики легко могли заселить рабочими. С этого времени и до середины лета 1921 г. я стал отдавать Институту все свои силы. Вскоре я был избран секретарем экономического отделения (переименованного в факультет), а потом и секретарем совета; по новому уставу, секретарь совета, вместе с ректором и двумя его помощниками, входил в президиум Института и играл роль помощника ректора по административной части, что, по существу, означало в первую очередь, сношения с властями предрержащими. Несколько позже, за приказом проф. В. Э. Дэна, я был избран деканом экономического факультета, в коем, уже с 1918 г., я состоял экстраординарным профессором по кафедре общей теории права. Было мне только 31 год, я очень гордился тем, что был одним из самых молодых профессоров в России.

Институту, как я уже сказал, приходилось в это время бороться за возможность оставаться самим собой. Трудности были неимоверные, прежде всего, материальные. Отопления почти не было; занятия происходили в шубах и валенках; в квартирах, в частности в моей, температура часто опускалась ниже нуля. Профессора и студенты голодали; сообщение с городом было затрудненное; не было притока книг, учебных пособий, канцелярских принадлежностей. Все приходилось выцарапывать от новых властей. Эти последние относились к Институту в общем благожелательно — недаром он получил шефом, вместо Петра Великого, Якова Свердлова, предшественника Калинина по должности председателя ВЦИК-а; по существу, большевики понимали, что высококвалифицированные инженеры и экономисты им необходимы. Но хаос был такой, что добиться толка было почти невозможно. Все зависело сразу от 8, а то и 10 уч-

реждений, и разъезды по ним отнимали большую часть моего времени.

Но главные препятствия были в области академической работы. 6-го октября 1918 г. состоялся декрет, разрешавший поступать в высшее учебное заведение всякому гражданину, достигшему 18 лет, независимо от дипломов или экзаменов. Это грозило наплывом толпы неграмотных людей, так как студентам Института выдавался, хотя и скромный, дополнительный продовольственный паек. Неофициально удалось добиться разрешения устраивать «колоквиумы», на которых профессора отбрасывали полных неучей.

В преподавание большевики в те годы не вмешивались. Мне удавалось, в курсе общей теории права, подвергать критическому анализу марксистскую точку зрения на право и показывать ее несостоятельность. Студенты из коммунистической ячейки спорили, но никаким репрессиям за преподавание я не подвергался. Понятно, по экономическим и юридическим предметам приходилось вводить материал, связанный с реформами в коммунистическом духе; по молчаливому соглашению, мы воздерживались от всякой резкой критики и сводили дело к простому описанию фактов. Но, несмотря на ухудшение подготовки студентов, мы на всех факультетах, сохраняли преподавание на прежнем высоком уровне.

За эти годы большевики сделали попытку взорвать Институт изнутри. По новому уставу, в советы факультетов и в совет Института были введены преподаватели, лаборанты и т. д., а также выборные представители студентов. К чести младшего академического персонала и студенчества, из этой затеи ничего не вышло: все вместе продолжали дружно работать на почве традиций, выработанных за первые годы жизни Института. Понятно, работа шла в нервной обстановке, в атмосфере произвола и террора. Многие профессора были неоднократно арестованы; например, все входившие в партию к.-д. «всякий раз как зашевелится Миллюков» — эту фразу мне довелось слышать при хлопотах за

кого-то из арестованных коллег. Но в то время террор был еще далеко от кульминационной точки — арестованных выпускали через несколько дней или недель.

Об обстановке жизни и работы в Институте можно получить наилучшее представление на почве некоторых эпизодов, запавших мне в память. В тот самый день, что я переехал в квартиру проф. Чупрова, вместе с отцом, б. министром торговли и промышленности, и братом, студентом электромеханического отделения Института, ныне работающим по специальности в Монреале (Канада), по Выборгскому району был издан декрет, предписывавший каждому хозяину квартиры в пять комнат и больше явиться в 6 часов утра следующего дня с лопатой и ведром, для чистки казарм московского полка; за неявку полагался расстрел. Многие из жителей Института не на шутку встревожились. Под вечер состоялось собрание, на котором было решено — никому не являться. Никто и не пошел. В течение 2—3 дней многие волновались. Но все сошло благополучно. Никто из совдепа не заглянул в Институт, чтобы расследовать случай массового пассивного сопротивления, между прочим, весьма типичный для русской жизни тех дней.

Осенью 1918 г. произошел трагикомический случай ареста совета Института в полном составе. Дело было так. После заседания, на котором присутствовало около 100 человек, мы были поражены зрелищем огромного скопления конной и пешей милиции. Милиция не дремала, все были арестованы и отправлены в Выборгскую часть. Я уже исполнял обязанности секретаря совета и показал кому следует повестку, на которой стояли такие вопросы, как замещение вакантных кафедр, производства и т. п. Это не помогло. В ответ я услышал, что мы арестованы, как группа контрреволюционеров, собравшихся для того, чтобы помочь скопляющимся на финской границе белобандитам. Продержали нас в части до 5 часов утра, когда туда явился кто-то из следователей и освободил нас. Пешком, к 7 часам утра, мы вернулись по до-

мам, на радость не на шутку встревоженным членам наших семейств.

Несколько позже начались систематические обыски квартир. Один раз, в запертой на ключ комнате, где были сложены вещи проф. Чупрова, производившие обыск нашли «оружие» — какие-то тупые испанские мечи, повидимому везенные отцом А. А., профессором А. И. Чупровым, и две лицейские шпаги. На следующий день в приказе по Выборгскому району было сообщено, что на квартире проф. Тимашева обнаружен склад оружия, заготовленного на помощь белогвардейцам. Но никаких последствий это не имело. Другой раз члены «комиссии бедноты», производившие обыск, стали вырывать, «на цыгарки», страницы из ценнейших книг (было их на квартире около 7 000, большей частью входивших в библиотеку А. А. Чупрова). Я не вытерпел и написал заявление в городское архивное управление, прося о перевозке книг в более надежное место. В ответ я получил бумагу, которая назначала меня хранителем библиотеки, возлагала на меня ответственность за ее сохранение и предлагала нарушителей сохранности сдавать в милицию, «на предмет расстрела». Когда при дальнейших обысках, делались попытки рвать книги, я читал вслух полученную мною грамоту. Действовало отлично...

Осенью 1919 г. Институту грозило полное замерзание. Дров не было вовсе. Путем длительных переговоров удалось получить 22 вагона леса, вагоны были поданы в Институт по подъездному пути, но лес оказался нераспиленным. Петросовет заключил с Институтом договор, по которому Институт обязался собственными силами обратить полученный лес в дрова, а Петросовет обязался каждому участнику выдать дополнительно полфунта хлеба за день — было это очень существенно, так как паек составлял всего четверть фунта. Как полагалось, в Институте была образована тройка: профессор, студент, рабочий. Профессора выбрали меня. Я было отказывался, но услышал, что в царские времена ответственные работы велись старшими, а теперь наступило

время для выполнения их младшими. Был составлен список лиц моложе 55 лет, кроме больных, и все исправно работали, чтобы не дать рабочим повода говорить, что профессора умеют только болтать языком, а сделать ничего не могут.

Через три дня работа была окончена. Надо было получить хлеб. В комиссариат продовольствия Петрокоммуны (так тогда называлась Петроградская область) поехал член тройки от рабочих, старый большевик, слесарь, мастер ругаться так, как я в жизни не слышал. Под вечер вернулся и показал свое мастерство, обращенное против большевистских властей — его даже не впустили в здание. На следующий день поехал студент, с тем же результатом. Слесарь снова выругался и сказал: «Ну, теперь ты поедешь, товарищ профессор». Понятно, он был нашим председателем. Я и поехал, имея на руках несколько сот именных продовольственных карточек. Меня тоже не хотели пустить. Но к тому времени я уже хорошо владел искусством разговора поновому. Заявил не пускавшим меня, что это дискредитирование Петросовета, контрреволюция, что я немедленно буду телеграфировать самому Ленину. Подействовало. Меня пустили в кабинет комиссара продовольствия. Это был измученного вида человек в кожаной куртке. «Пожалуйста поскорее, товарищ», сказал он, «я сейчас еду под Полоцк усмирять восстание...» «Да мне и не надо много времени, вот договор с Петросоветом и карточки». Молча, комиссар взял их и стал собственноручно штемпелевать. На это ушло много драгоценного большевистского времени...

В сумерки я вернулся в Институт. Меня уже ждали другие члены тройки. Слесарь ехидно улыбался. Молча, я швырнул на стол карточки. Он побледнел, снял фуражку и сказал: «Ну, барин, барином был, барином и остался». С тех пор он стал моим лучшим защитником. Несколько раз я был арестован и немедленно он, старый большевик, ехал куда нужно, ручался за меня, и меня тотчас же освобождали.

Вскоре после этого, Юденич подступил к Петрограду. Все население было мобилизовано для рытья окопов. Вместе с партией других профессоров, я был отправлен в район Путиловского завода. Дали мне лопату. Какой-то распорядитель что-то пробормотал. В течение нескольких часов мы выкопали короткую и неглубокую канаву. Все же на душе было неприятно. Под конец работы распорядитель подошел и сказал: «Профессор, я понимаю вас; но во-первых, вы выкопали приблизительно одну двадцатую часть того, что полагается по норме; а во-вторых, траншеи спланированы так, что, в случае чего, помогут белым». И отрекомендовался — студент Политехнического Института НН.

Осенью 1920 г. стало несколько легче. Стали прибывать студенты, за окончанием гражданской и польской войны. По настоянию Горького, был введен академический паек. Но назревал кризис. Было ясно, что дела так продолжаться не могут. В начале 1921 г. мне с ректором Института, проф. Д. П. Рузским, довелось ехать в город на двуколке — это была привилегия ректора и других членов президиума, остальным часто приходилось ходить пешком. Мы часто пользовались этим случаем, чтобы поговорить по душам — шум от двуколки был такой, что подслушать нас было невозможно. Мы пришли к выводу, что в ближайшем времени разразится революция, и на всякий случай простились друг с другом — от некоторых наших благожелателей из числа коммунистов мы знали, что наши имена стоят на черном списке тех, кого надлежало уничтожить прежде, нежели «крепко хлопнуть дверью», по выражению Троцкого. Мы не могли конечно предвидеть, что Ленин совершит маневр, вошедший в историю под названием НЭП-а.

О том, что мне грозит, я узнал следующим образом. При посещении одного из большевистских учреждений, коммунист, с которым я часто имел дело, вдруг спросил меня: «профессор, нет ли у вас знакомых профессоров в Германии?» На мой утвердительный ответ он посоветовал мне написать туда и попросить, чтобы меня вызвали на какую ли-

бо конференцию. «Так лучше будет», закончил он, «а разрешение на выезд мы устроим». Конечно, никаких вопросов я не задал, в Германию написал, получил благоприятный ответ и как раз хотел начать хлопоты, как разразилась катастрофа...

В связи с делом В. Н. Таганцева, за мной пришли... Встретила пришедших моя покойная жена Татьяна Николаевна, рожденная Рузская, племянница Д. П. Рузского. Я с ней познакомился в доме ее дяди, но встречался с ней и как со студенткой факультета, коего я был деканом, так что и жену я как бы получил от Института. Она хорошо умела говорить с чекистами, так как провела семь месяцев в тюрьме по другому контрреволюционному делу. Она сумела направить пришедших в место, где я никак не мог быть, а сама дала знать в канцелярию нашего факультета, чтобы я немедленно ехал в город по адресу, подготовленному на такой случай. Так я и покинул территорию Института, даже не зайдя на квартиру, на которой провел несколько памятных лет.

После 12-дневных скитаний, мы с женой и братом оказались за границей, в Финляндии. Но долгие годы мне снился сон: будто, переодетый, я вернулся в Россию, в наш Институт и, конечно, был узан. Так крепко сохранилась в моем подсознании связь с тем славным учреждением, пятидесятилетие которого мы сегодня празднуем.